

«МЕНЯ ОЧЕНЬ ТЯНЕТ В РОССИЮ...»: «РУССКИЙ СЮЖЕТ» В ПИСЬМАХ ЮЛИУСА ЗЕЙЕРА К АЛОИЗУ КАШПАРУ

© 2019 г. А.В. Грасько

Магистрант кафедры славянской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова

anna-grasko@yandex.ru

В статье вводятся в научный оборот письма чешского писателя конца XIX в. Ю. Зейера А. Кашпару, в которых проявляется рефлексия писателя по поводу русского быта, политики, отношений с русскими людьми. При этом корпус писем Зейера Кашпару рассматривается в качестве семиотически целостного текста, в котором отчетливо выделяется система повторяющихся мотивов (мотивы мечтаний о России; «крымский»; устойчивого интереса к русской литературе; судьбы семейства Поповых; вещей; рассуждений о ментальных качествах русского характера).

The publication introduces the letters of the nineteenth-century Czech writer Yulius Zeyer to Alois Kashpar. The main theme of the letters is Russia, emerging in the form of the writer's constant reflection on Russian life, politics, relations with Russian people. At the same time, the corpus of letters by Zeyer to Kashpar is considered as a semiotically integral text with a clear system of repeating motifs, such as dreams about Russia; the «Crimean» motif; the motif of a steady interest in Russian literature, the fate of the Popov family, or reasonings about mental qualities of the Russian character

Ключевые слова: чешская литература, Юлиус Зейер, эпистолярное наследие, образ России.

Keywords: Czech literature, Julius Zeyer, epistolary heritage, image of Russia.

DOI: 10.31857/S0869544X0009519–3

Многие чешские писатели последней трети XIX столетия бывали в России, однако для большинства из них эти путешествия стали лишь только «экзотическим» эпизодом их жизни. Чтобы зафиксировать его, чешские литераторы использовали чаще всего жанры эссе и путевых заметок, причем более всего заботились не об их художественной ценности, но о чисто бытописательской убедительности¹.

Совсем по-другому складывались отношения с Россией у писателя-неоромантика Юлиуса Зейера (1841–1901). Единственный биограф Зейера Ян Воборник так пишет об этом: «Зейер любил Русь особенной любовью. Если любовь к Франции может объяснить его кровь, любовь к Италии — художественная традиция, то

¹ В качестве примера можно привести очерк Йозефа Голечека «Zájezd na Rus» («Поездка в Россию») и заметки Вилема Мршттика «Cesta do Ruska (Listy z Nižního Novgorodu 1896)» («Путешествие в Россию (Письма из Нижнего Новгорода 1896)»).

любовь к Руси имела более сложную природу» [1. С. 49] (здесь и далее все цитаты из чешских биографических и литературоведческих источников приводятся в моем переводе. — А.Г.).

Для Юлиуса Зейера Россия стала точкой постоянного притяжения — как творческого, так и личностного. Чешский писатель побывал в России четыре раза: первый раз он прожил в ней с марта по октябрь 1873 г. и был учителем латыни и английского языка сына графа П.А. Валуева, русского министра внутренних дел. Второй раз Зейер приехал в Россию в октябре 1880 г. и прожил до июля 1882 г. в семье крымского помещика, генерала Попова, в качестве воспитателя двух его сыновей. Третий раз писатель побывал в России в 1893 г.: путешествовал с Алоизом Кашпаром по Крыму, Кавказу, Армении. Четвертый и последний раз Зейер приезжал в Россию в 1899 г. со своим чешским знакомым паном Червеным, посетил Москву, путешествовал по Волге, еще раз побывал в Крыму². Каждое путешествие открывало Зейру и новую часть России в чисто географическом смысле, и новую сторону русской жизни, и, что характерно, новые грани собственной души. В отличие от большинства своих современников и соотечественников на Россию Зейер смотрел глазами художника и философа, и «русская тема» для него стала важной, неотъемлемой частью творчества³. Об этом свидетельствует целый ряд произведений писателя, созданных на русском материале, к которому Зейер обращался на протяжении всей жизни⁴.

Реальные русские впечатления Зейера (рефлексия по поводу русского быта, политики, отношений с русскими людьми) отобразились в его письмах многочисленным корреспондентам. Однако в переписке Зейера с родственниками и литературными знакомыми упоминания о России являются лишь небольшими вкраплениями в общий текст письма. Все эти корреспонденты не имели к России непосредственного отношения, никогда в ней не жили, ею не интересовались, поэтому и Зейер с ними на русские темы подробно не говорит⁵.

Иной характер имеет переписка Зейера с его другом, философом и преподавателем древних языков Алоизом Кашпаром, который большую часть своей жизни провел в России. Знакомство Зейера и Кашпара завязалось еще в Праге. Кашпар некоторое время жил в семье Яна Зейера — брата писателя. Именно тогда он познакомился с Юлиусом Зейером. Они вместе посещали лекции по философии и санскриту, вечерами читали латинских авторов и учили испанский язык⁶. В 1872 г. Кашпар уехал в Россию и поселился в Петербурге в качестве гимназического учителя древних языков. Через несколько лет он переехал в Крым, где провел более десяти лет. Именно Кашпар и стал главным наставником Зейера, его проводником в русскую жизнь.

Русская тема стала главным сюжетом в переписке этих двух людей. По-видимому, Кашпар прекрасно осознавал ценность их с Зейером переписки и опубликовал

² Биографические сведения взяты из комментария А. Кашпара к письмам Ю. Зейера (см. [2: 3]).

³ В этом смысле Зейера можно сравнить только с С.В. Геллером, который написал около 10 книг с русской тематикой в основе.

⁴ Русская тема и русский материал воплотились, в частности, в следующих произведениях Зейера: исторический роман «Ondřej Černyšev» («Андрей Чернышёв», 1876), новелла «Darija» («Дарья», 1879), песнь «Zpěv o pomstě za Igora» («Песнь о мести за Игоря» 1881), повесть «Alexej, člověk boží» («Алексей, человек Божий», 1899), «Píseň o hoří dobrého juna Romana Vasilíče» («Песнь о горе доброго молодца Романа Васильевича», 1899), «Pohádka o dobrém careviči Eustafovi» («Сказка о добром царевиче Ефстафе», 1900).

⁵ Так, например, совсем мало упоминаний о России содержат письма Зейера к его родственнице К. Гейндриховой [1]; редактору журнала «Люмир» В. Сладеку [4].

⁶ Сведения о взаимоотношениях Зейера и Кашпара можно почерпнуть из комментария А. Кашпара к письмам Ю. Зейера (см. [2: 3]).

письма своего корреспондента и друга после его смерти в двух номерах журнала «Časopis Musea kral. Českého» за 1902 и 1904 гг. под названием «Из корреспонденции Юлиуса Зейера» [2; 3]. О ценности этих материалов говорит и комментарий издателя ко второй части публикации: «В 1902 г. вышла в журнале “Музей королевства Чешского” первая часть писем Юлиуса Зейера, посланных при различных обстоятельствах его другу профессору Кашпару, жившему тогда на Руси — корреспонденция эта по праву вызвала немалый интерес, ведь в ней не только содержалось множество до сих пор неизвестных дат из жизни поэта, она представила целый период его жизненного пути в новом, очень интересном освещении» [3. S. 115].

Письма Зейера Кашпар разделил на части в соответствии с разными периодами жизни писателя, а именно — в соответствии с теми местами, в которых Зейер бывал и жил и откуда он писал своему корреспонденту⁷. Все эти части Кашпар связывает своим комментарием, который, в свою очередь, выстраивается в своеобразный мемуар. Самые большие периоды комментария касаются общих русских впечатлений Кашпара и Зейера. Так, например, перед частью «Зейер в семье генерала Попова» Кашпар подробно описывает русского помещика — генерала Попова, которого хорошо знал и у которого какое-то время служил. Другой развернутый комментарий касается совместного путешествия Зейера и Кашпара по Крыму, Кавказу, Армении во время третьей поездки Зейера в Россию.

Однако нам представляется более плодотворным рассматривать письма Зейера к Кашпару как некое единство, не придерживаясь хронологической последовательности событий жизни писателя. В этом случае их можно «читать» как семиотически целостный текст, в котором просматривается ряд повторяющихся мотивов: мотив стремления в Россию, мечтаний о ней; «крымский» мотив; мотив русской литературы; мотив судьбы семейства Поповых; мотив вещей; мотив рассуждений о русских и ментальных качествах русского характера. Остановимся более подробно на каждом из них.

Мотив мечтаний о России, стремления в Россию. Именно через письма Кашпара, переехавшего в 170-е годы из Праги в Петербург, Россия впервые стала проникать в мысли Зейера. Пример Кашпара вдохновил Зейера и возбудил в нем интерес к России, которая поначалу привлекала его как неведомая земля, сулившая открытия и приключения. Будучи романтиком по своей натуре, Зейер захотел сам увидеть русскую землю. Так, Кашпару он пишет: «Для меня речь идет о том, чтобы посмотреть Россию, а когда я вдоволь там поживу, узнаю ее жизнь изнутри, вернусь обратно в “Европу”. Едут ведь каждый год столькие искатели приключений из Германии в Россию и находят там наживу, почему бы и мне хотя бы на время не улыбнулась удача? По крайней мере, я узнаю немножко мир, который, мне кажется, выглядит по-другому, чем мне представляется из окна моего кабинета» (10 января 1873 г.) [2. S. 242]. Воображение Зейера рисует ему Петербург в романтических тонах: «Я слышал, что летние ночи в Петербурге бывают восхитительны, и я заранее завидую Вам, что Вы сможете гулять по морскому берегу» (26 марта 1872) [2. S. 234].

⁷ Назовем эти части: «Před první cestou Zeyerovou na Rus» («Перед первым путешествием Зейера в Россию»), «Listy z Tegernsee» («Письма с Тегеранского озера»), «Po návratě Zeyerově do Čech» («По возвращении Зейера из Чехии»), «Po válce rusko-turecké» («После русско-турецкой войны»), «Zeyer v rodině generála Popova» («Зейер в семье генерала Попова»), «Zeyer opět v Čechách. Cesta do Němce a návrat z ní» («Зейер снова в Чехии. Поездка в Германию и возвращение из нее»), «Zeyer ve Vodňanech» («Зейер в Воднянах»), «Zeyerovy listy z Paříže» («Письма Зейера из Парижа»), «Zeyer opět ve Vodňanech» (Зейер опять в Воднянах), «Třetí cesta Zeyerova na Rus» (Третья поездка Зейера в Россию), «Zeyer v Simferopoli, jeho cesty po Krymu i Kavkazu» («Зейер в Симферополе, его путешествия по Крыму и Кавказу»), «Návrat do Čech. Výlet do Štýrska a další Zeyerův pobyt ve Vodňanech» («Возвращение в Чехию. Поездка в Штирию и дальнейшее пребывание Зейера в Воднянах»), «Z posledních let života Zeyerova» («Из последних лет жизни Зейера»).

О своем желании попасть в Россию Зейер постоянно пишет своему другу, просит найти ему работу в Петербурге, спрашивает, какой суммы ему хватило бы на два месяца жизни в российской столице. 26 марта 1872 г. Зейер пишет: «Если бы я только достиг своей цели! Жду, жду и все напрасно. Я бы хотел приехать в Россию, но злая судьба все время преграждает мне путь, вы же знаете сами, как я был близок к цели, как был разочарован. Вы, наверное, помните, что я размещал объявление в “Московских ведомостях”, но из редакции мне пришел ответ, что никто не отозвался на мое предложение. Не знаю, что предпринять, меня очень тянет в Россию, сижу, как говорится, на пороге, жду, пока мне откроются врата славянской Мекки» [2. S. 234].

Потом, уже через несколько лет после своей первой поездки (1873 г.) Зейер пишет Кашпару, который оказывается на тот момент в Крыму учителем в доме генерала Попова, что Россия снова тянет его к себе. Мотив мечтаний о России вообще никогда не уходит из писем Зейера: он возобновляется всякий раз, как только Зейер оказывается в Европе. Так, например, в 1877 г., спустя четыре года после своего первого русского путешествия, Зейер пишет Кашпару, что с радостью принял бы его приглашение приехать в Крым, мечтает о том, как бы они вместе могли странствовать по Кавказу и Армении.

В 1888 г. Зейер отвечает на приглашение Кашпара: «Летом в Крым! О, сказать легко, но не так легко осуществить. Прежде всего, нет денег, а во-вторых я хочу закончить кое-какие произведения, которые пока даже не начинал. Однако я совсем не отказываюсь от планов приехать к тебе. Я бы оставил здесь жилье и переехал бы в Крым. Снял бы квартиру, если будет, в твоём доме, если нет — где-нибудь еще. Я бы основательно взялся учить русский язык, а если будет можно, и новогреческий, который я уже два раза начинал. Скажи, сколько денег мне бы потребовалось в месяц? Лучше посчитай с избытком, чтобы я знал, смогу ли осуществить этот план» [3. S. 118].

И даже совершив в 1893 г. большую поездку с Кашпаром по Крыму, Кавказу и Закавказью, уже менее чем через год, в 1894 г., Зейер пишет, что снова хотел бы приехать в Россию, хотел бы побывать в Москве, в Нижнем Новгороде, на Волге, на Кавказе, в Крыму, в Туркестане.

В 1898 г. Зейер рассказывает Кашпару о том, что директор киевской гимназии приглашает его в путешествие в Самарканд, Мерв, Ташкент. Только денежные затруднения остановили его принять это приглашение.

В 1897 г. тот же директор гимназии приглашает Зейера в путешествие на Урал через Киев, Воронеж, Тамбов, Пензу, Самару, Уфу, Златоуст, Екатеринбург, Пермь, а обратно — через Нижний Новгород, Москву и Смоленск. И все это должно было обойтись, по словам директора, только в 100 рублей. Естественно, такая поездка весьма привлекает Зейера, но какие-то обстоятельства не позволяют ему ее осуществить, и он с горечью восклицает: «А nemohu!» («И не могу!»).

Стоит отметить, что в письмах Зейер мечтал не только о своих собственных путешествиях в Россию, но и проецировал свои мечты на жизнь Кашпара. Так, в 1896 г. он советует Кашпару съездить на выставку в Новгород (ту самую, которую описал потом В. Мрштик⁸). Зейер призывает Кашпара вообще как можно больше посмотреть в России, так как, по его мнению, в Чехии его друга не ожидает ничего интересного, кроме приятного чувства, что он дома. Среди писем, адресованных

⁸ В своих публицистических записках, опубликованных в 1992 г. под заголовком «Cesta do Ruska (Listy z Nižního Novgorodu 1896) (Путешествие в Россию (Письма из Нижнего Новгорода 1896))», Мрштик подробно описывает свое путешествие на выставку, характер выставки, ее атмосферу [5].

Кашпару, таких — с советами что-то посетить и предостережениями не увидеть каких-то интересных мест немало. Видно, что корреспонденту и другу Зейер словно доверяет быть своим представителем в России — своими ушами, своими глазами.

Другой постоянный мотив, проходящий через всю переписку Зейера и Кашпара — это *мотив, который условно можно было бы назвать «крымским»*: речь идет о книге, которую Зейер задумал написать и которая должна была быть посвящена Крыму. Об этой книге он много думал, однако написана она так и не была. Размышления же об этой книге преследуют Зейера с того самого момента, как в Крыму обосновался Кашпар.

Когда Кашпар переезжает в Крым, Зейер призывает его написать статью о языке и литературе крымских татар и даже целую монографию о Крыме вообще. Он пишет: «Там, в этой мешанине народов, у тебя больше, чем где бы то ни было поводов к научным изысканиям» [2. S. 253]. После своего «восточного» путешествия с Кашпаром в 1893 г. Зейер сам загорается идеей написать о Крыме. В 1894 г. он пишет о книге «Универсальное описание Крыма», которую прочел, но где не нашел ничего, что бы могло ему послужить для его собственной работы об этом крае — какой-либо романтической истории, легенды, описания татарских традиций: «Все остальное — статистика и подобные вещи, которые с поэзией не имеют ничего общего, меня не интересуют. Я бы с удовольствием написал какой-нибудь роман, в котором описал бы Крым со стороны природы, поэзии, легенд, традиций и татарских обычаев» [3. S. 262]. Зейер мечтает создать красивую, почти художественную книгу и не боится долгих исследовательских трудов. Кашпара он просит прислать материалы, которые «необходимы ему как воздух» (в чеш. — *potřeboval bych je jako sůl*) [3. S. 432].

Кроме того, Кашпар на протяжении всей жизни регулярно присылает Зейеру журнал «Известия Таврической Комиссии», в котором Зейер, очевидно, ищет материалы для своей работы: «Сердечно благодарю тебя за номера “Известий”, [...]. Потом я передам их в какую-нибудь библиотеку, скорее всего в музей. Однако сначала их изучу, ты же знаешь, я бы хотел написать что-нибудь о Крыме» [3. S. 432]. В 1898 г. Зейер благодарит Кашпара за присланную ему книгу «Путешествия по Крыму» («*Cesty po Krymu*»).

Еще один важный сквозной мотив переписки Зейера с Кашпаром — *устойчивый интерес к русской литературе*. В письмах Кашпару Зейер не анализирует конкретных текстов русских писателей, не дает им критических оценок, однако из них мы вполне достоверно узнаем, что именно из русской художественной литературы и в какой период своей жизни Зейер читает. Так, в 1888 г. Зейер много читает Толстого («Последнее время много читаю по-русски, особенно Толстого»). В 1894 г. с «большим восхищением» он читает Достоевского. Причем читает Зейер очень пристально, обращая внимание на непонятные для него русские слова. Те, которые Зейер не понимает и сетует на их отсутствие в словаре, — чаще всего малоупотребительные или разговорные: «дескать», «ясочка». То, что писатель останавливается на них, говорит о хорошем уровне его русского языка — значит, остальные слова ему понятны. В 1897 г. Зейер просит Кашпара найти для него собрание сочинений Гоголя и Салтыкова-Щедрина. В 1898 г., когда Зейер работает над русским эпосом, он просит Кашпара найти ему книгу И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей и цариц». В 1900 г. Зейера интересует «Власть тьмы» Л.Н. Толстого.

Еще один мотив в переписке, вполне конкретный, бытовой и житейский — это *судьба семейства Поповых*. И Кашпар, и Зейер какое-то время своей жизни провели в кругу этой семьи в качестве учителей двух сыновей генерала Попова — Юрия

и Павла. Контакты с ними оба чеха сохраняли в течение всей своей жизни. В своих письмах к Кашпару Зейер часто спрашивает о новостях в семействе Поповых, жалеет о смерти жены Попова. О скандале⁹, который был связан с этим семейством, он пишет: «Верь мне, если бы я был в России с кем-то из них (членов семейства Поповых — А. Г.), я бы их уберег от потери этих денег и от скандала» [3. S. 430]. С огромным сожалением и огорчением Зейер принимает и новость о смерти младшего брата Павла. Пишет о своих встречах с Юрием Поповым в Париже, куда тот был отправлен на лечение. Здесь Юрий Попов даже обещает ему подарить для изучения древние курганы в их поместье в Бахчисарае.

Отдельное место занимает в переписке *мотив вещей*. Это не случайно, так как вещи составляли, по-видимому, важную часть жизни Зейера. Он относился к ним как эстет и коллекционер. В этом смысле он был истинным сыном своего времени, ведь эстетизация жизни была широко распространена в Западной Европе конца XIX в. «Вещественность», мир вещей были важны для эстетики модернизма с ее установкой на декоративность. «Прекрасное — не божество, которому следует поклоняться, стоя на коленях в музее, напротив, оно должно быть спутником людей в их повседневной жизни» [6. С. 226], — считали представители эстетизма. Зейер тоже во всем — в своих произведениях и в жизни — стремился к красоте, которую противопоставлял утилитаризму и буржуазной пошлости.

Из России писатель всегда стремился вывезти кроме книг еще и какие-то экзотические вещи. Багаж его обычно доставлялся отдельно, в переписке с Кашпаром после каждой поездки в Россию Зейер жалуется, что багаж идет очень долго, а потом рассказывает, в целости ли пришло все его добро. Много из того, что было привезено, Зейер передал в коллекцию своего друга Войты Напрстка. Однако в письмах мы находим и упоминания о вещах, которые не связаны с коллекциями и не имеют художественной ценности. Чаще всего это предметы быта. Например, в одном из писем Зейер сообщает, что из России он привез ящик малороссийской посуды и ящик гречневой крупы, которую полубил и научился варить. В другом письме Зейер обращается к Кашпару с просьбой прислать ему из Крыма ту самую легкую ткань, из которой, как он видел, в Крыму все шьют костюмы. При этом Зейер не стесняется торопить своего корреспондента, мотивируя это тем, что скоро наступит лето и надо что-то носить. В других письмах он просит купить, к примеру, икону Спаса Нерукотворного для своей знакомой, красивую сбрую на Кавказе для лошади своего приятеля.

Следующий сквозной мотив писем Зейера Кашпару — *замечания и рассуждения о русских, о ментальных свойствах русского характера*. Вообще-то, в письмах Зейера мы не находим критических рассуждений о России и русской жизни. Чаще всего он восторженно говорит о своих поездках. Так, в 1899 г. после своего последнего путешествия Зейер пишет: «На Руси мне в этот раз снова чрезвычайно понравилось, а от Москвы я в восхищении!» [3. S. 440]. Однако в разных местах переписки все-таки присутствуют небольшие замечания, которые хотя и не складываются в какую-то общую картину, но зачастую метко характеризуют ту или иную исконно русскую черту.

В одном из писем, например, Зейер сетует на хорошо известную трагическую русскую особенность — неумение ценить собственные богатства, пользоваться

⁹ Подробнее об этом происшествии можно узнать в комментариях А. Кашпара к письмам Ю. Зейера. В частности, Кашпар рассказывает о том, что этот скандал был связан с разделом наследства, оставшегося после смерти отца, который завещал все свое имущество старшему сыну Юрию. Скандал получил большую огласку [3. S. 459].

ими. Объездив Россию, посмотрев ее величавые просторы, Зейер не понимает, почему русские люди не умеют ценить богатства родной страны и почему пределом желаний русского путешественника является поездка в Европу: «Русские глупы, что все время ездят только в Париж, на Рейн, в Вену или Берлин. Говорят, что, якобы, умеют умирать, но жить, мне кажется, не умеют» [3. S. 280]. К «неумению жить» русских людей Зейер также относит их бессмысленное расточительство. В одном из писем, где речь идет как раз о семье Поповых, он отмечает: «А что происходит у Поповых? Вернее всего как обычно — одни глупости. Жаль денег, которые они так бессмысленно пускают на ветер и сами от них также ничего не имеют. И так всюду на Руси» [3. S. 433].

В письме от 2 января 1895 г., после смерти Александра III, Зейер пишет Кашпару о русском долготерпении: «Что же будет сейчас в России? Что люди говорят об этом новом царе и об этой немке? (о Николае II и Александре Федоровне. — *А.Г.*). Ну а вообще, в России всегда всем довольны» [3. S. 269]. Русский народ кажется чешскому писателю спящим, не пробудившимся к жизни, Зейер осуждает его за это: «Вообще, святая Русь будто бы за китайской стеной, и мне кажется, что все огромное население за ней дремлет, спит. О, славяне, славяне!» [2. S. 452]. Беспокоит Зейера и то, что Россия равнодушно переносит уколы, которые ей наносят западные державы, что не умеет объединить вокруг себя славян в борьбе против немцев: «Святая Русь! Боже мой, это тоже бремя моей жизни. Из этого народа так же ничего не выйдет, как из остальных славян» [2. S. 127]. «Немцы делают, что хотят, на самом деле им принадлежит мир. Какие козни они строят против России, а Россия — ничего. [...] И если бы они (русские. — *А.Г.*) перестали преследовать поляков, то те могли бы им составить партию и в самой Германии, я имею в виду в Познани...» [2. S. 433].

Опубликованные письма Зейера и комментариев к ним Кашпара позволяют утверждать и то, что интерес к России, ко всему, с ней связанному, не оставлял Зейера до самых последних дней его жизни. Важна для Зейера была и дружба с Кашпаром, который, несмотря на то, что обосновался в Праге, оставался для него все тем же проводником в русский мир — теперь уже в мир общих русских воспоминаний. Именно Кашпар навещал Зейера в последние дни его жизни, читал ему письма от общих русских знакомых: «Мы часто вспоминали обо всем из молодости, — пишет Кашпар, — но с наибольшей охотой он говорил и слушал о России, и все письма, которые я получал из России, я должен был ему читать» [3. S. 445].

В целом можно сказать, что переписка Зейера и Кашпара является самым достоверным и полным источником, свидетельствующим о живой связи Зейера с Россией. Она позволяет составить довольно полное впечатление о том, как формировалась «русская тема» в жизни писателя, какие человеческие впечатления ее питали, как он реагировал на те или иные явления русской жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Voborník J.* Dopisy Julia Zeyera Karle Heindrichové. Praha, 1924.
2. *Kašpar A.* Z correspondence Julia Zeyera // Časopis Musea kral. Českého. Praha, 1902.
3. *Kašpar A.* Z correspondence Julia Zeyera // Časopis Musea kral. Českého. Praha, 1904.
4. *Kvapil J.S.* Sládek — Zeyer, vzájemná korespondence. Praha, 1958.
5. *Mršák V.* Cesta do Ruska (Listy z Nižního Novgorodu 1896). Praha, 1992.
6. *Ерасова Е.* Жизнетворчество в английском эстетическом движении 1860–1890-х годов // Искусство versus литература Франция — Россия — Германия на рубеже XIX–XX веков. М., 2006.